

УДК 930:94 (497.2)
ББК 63.4(3)

*А. А. Кудрявцев,
Институт археологии РАН
(Москва, Россия)
Н. С. Гусев
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)*

Балканская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1946 г. и ее влияние на развитие советско-болгарских связей в области археологии

В январе — феврале 1946 г. в рамках задач Балканской археолого-этнографической экспедиции АН СССР сотрудники Института истории материальной культуры и Института этнографии осуществили рабочую командировку в Болгарию. Эта страна рассматривалась как регион, изучение которого даст новые сведения о раннем этапе истории славян, а также была важна с учетом возросшего для советской исторической науки значения Византии. Болгарские власти уделяли большое внимание визиту советских ученых, им оказывали содействие государственные и научные организации, пресса освещала их поездку по стране. Сотрудники экспедиции на протяжении всего своего пребывания в Софии читали публичные лекции, затем изданные отдельным сборником статей. По возвращении глава экспедиции П. Н. Третьяков представил в Президиум АН СССР закрытый отчет, в котором довольно критически оценил уровень болгарской археологии, что, однако, вполне объяснимо конъюнктурными соображениями. Хотя результаты экспедиции получили одобрение руководства АН СССР и БАН, запланированные совместные археологические исследования так и не состоялись. Несмотря на это, проведение Балканской экспедиции имело большое значение как для советской стороны, так и для ученых Болгарии, заложило основы дальнейшего сотрудничества в области археологии. Позднее оно воплотилось в нескольких совместных экспедициях на территории СССР и Болгарии, имевших разносторонний охват целей работ. В статье также представлен очерк состояния болгарской археологии перед визитом советских ученых, рассмотрен подготовительный этап экспедиции и ее работа в Болгарии.

Авторская работа А. А. Кудрявцева выполнена при поддержке гранта Минобрнауки МК-1429.2019.6.

Ключевые слова: *Болгария, археология, А. В. Арциховский, Б. Д. Греков, П. Н. Третьяков, Институт истории материальной культуры, Институт этнографии, советско-болгарские научные связи.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.5.04

С древнейших времен территория Балкан и Болгарии в частности являлась одним из самых оживленных перекрестков мировой истории, через которые проходили народы и племена, за территорию которых боролись империи и национальные государства. Все это предопределило богатое археологическое наследие региона. На любительском уровне интерес к нему стал возникать в Болгарии еще в середине XIX в., но лишь после обретения страной свободы дилетантское собирание древностей получило научную основу. Произошло это благодаря чешским ученым — историку К. Иречку, археологам В. Добрускому, братьям Х. и К. Шкорпилам. К. Иречек подготовил опубликованное в 1882 г. «Руководство по собиранию географических и археологических материалов»¹. В Добруский же стал первым директором Археологического музея, возникшего 23 сентября 1892 г. на базе Отдела ценностей Болгарской народной библиотеки². 18 мая 1905 г., в день именин князя Фердинанда, музей был открыт для посещения. Собранная коллекция поначалу составляла всего 165 предметов, через 12 лет фонды насчитывали уже 23000 единиц хранения. Выставленные артефакты вызвали живой интерес публики — за первые 5 месяцев экспозицию осмотрело 86 тысяч посетителей³. Полевые исследования приобрели некоторый размах. Археологические изыскания проводились по всей стране, участие в них принял и Русский археологический институт в Константинополе⁴.

В 1901 г. было создано Болгарское археологическое общество, целью которого декларировалось «выявление, сохранение и изучение

1 Българската археология – минало и настояще // Национален археологически институт с музей при БАН. URL: <http://naim.bg/bg/content/category/1234/101/> (дата обращения: 27.07.2020).

2 Подробнее см.: *Юркова Й.* 110 години Археологически музей // Археология. 2003. № 1. С. 5–7.

3 Слово на проф. Васил Николов, директор на Археологическия институт с музей на Българската академия на науките по случай 100 години от открив // Археология. 2004. № 3–4. С. 125.

4 *Мавродинов Н. П.* Раскопки и исследования в Болгарии в последние годы // Советская археология. М., 1955. Вып. XXIV. С. 144.

памятников прошлого в границах Целокупной Болгарии и пробуждение в народе интереса к ним»⁵. Подобная формулировка предполагала определенную ангажированность в деле национального объединения и распространение интересов за существующие пределы Болгарии. Особенно отчетливо это проявилось в годы Первой мировой войны, когда болгарские археологи, историки, этнографы приняли участие в комплексных экспедициях в оккупированных Македонии, Добрудже, Поморавье. Данные мероприятия были нацелены на доказательство исторических, культурных и этнографических прав на эти земли⁶. В 1920 г. на базе Болгарского археологического общества был создан Археологический институт. Его первым директором стал Б. Филов, будущий премьер-министр страны в 1940–1943 гг., член Регентского совета в 1943–1944 гг.⁷

В 1910 г. Болгарское археологическое общество стало издавать свои «Известия». Эту серию продолжил Археологический институт, вдобавок публиковавший серийные издания «Художественные памятники Болгарии», «Материалы по истории Софии», «Популярная археологическая библиотека» и др. Параллельно Археологический музей издавал свой ежегодник и серийные «Раскопки и исследования». Помимо того, материалы по археологии Болгарии появлялись в периодических изданиях университетов и региональных музеев, не говоря уже о сборниках статей и монографиях⁸. Нередко болгарские авторы издавались за рубежом, на французском, немецком, английском и других ведущих языках того времени.

С середины 1920-х по конец 1930-х гг. в стране активно изучались памятники архитектуры и археологии, были сделаны открытия в области изучения каменного века, античности и средневековья. Хотя обучения собственно археологии, как и во многих других странах, не существовало. Чаще всего в эту сферу приходили историки, фило-

5 Българската археология – минало и настояще...

6 *Конева Р.* Голямата среща на българския народ. Културата и предизвикателствата на войните 1912–1918 г. София, 1995. С. 69, 95; *Тодев И., Гешева Й., Кандиларов Е., Марчева И., Понпетров Н., Христов Д.* Кратка история на Българската академия на науките. София, 2019. С. 48–49.

7 1 февраля 1945 г. по приговору Народного суда Б. Филов будет казнен, а его имя исчезнет из анналов болгарской археологии. См., напр.: *Миятев К.* Предговор // Библиография на българската археология (1879–1955) / съст. С. Георгиева, В. Велков. София, 1957. С. 7–11.

8 Там же. С. 8–9.

логи и искусствоведы, иногда, правда, будущие археологи учились и стажировались в Европе, подобно К. Миятеву, руководителю доверенных экспедиций в Мадаре, Преславе, Плиске, будущему директору Народного этнографического музея (1939–1944) и Археологического института (1952–1963)⁹, или Н. Мавродинову, специалисту по средневековому искусству, директору Археологического музея (1944–1949). В итоге при проведении изысканий нередко допускались методические ошибки и упущения. В качестве яркого примера этому можно привести то, что до середины века при раскопках средневековые арабские дирхемы зачастую не фиксировались и не хранились, поскольку арабская вязь делала их похожими на монеты Османской империи, напоминавшие о трагических страницах прошлого¹⁰.

В первые годы Второй мировой войны жизнь в стране не изменилась кардинально в сторону ухудшения, что касалось и науки. В 1940 г. Болгарская академия наук была переименована в Болгарскую академию наук и искусств, государственных средств на нее стало выделяться больше. И современный болгарский историк Н. Поппетров относительно начала 1940-х гг. указывает: «Академия вошла в период интенсивного развития. Подобно болгарскому государству, она находилась в фазе успешной модернизации»¹¹. Не вдаваясь в подробности этой модернизации на фоне наступления на академические и университетские свободы, отметим, что тесное взаимодействие с союзниками шло в том числе и в сфере археологии. В конце 1930-х — начале 1940-х гг. на территории Болгарии работали две немецкие экспедиции, в 1941–1942 гг. — одна итальянская¹², в 1942 г. К. Миятев был избран иностранным членом Германского археологического института¹³, а в 1943 г. Н. Мавродинов опубликовал в Будапеште книгу об искусстве протоболгар на материале Надьсентмиклошского клада¹⁴.

Вновь расширившиеся границы и ожившая надежда на реализацию программы национального объединения активизировали и дея-

9 Дончева-Петкова Л. Ученият Кръстю Миятев // Приноси към българската археология. София, 1993. Т. II. С. 7–8.

10 Мавродинов Н. П. Раскопки и исследования... С. 144.

11 Тодев И., Гешева Й., Кандиларов Е., Марчева И., Поппетров Н., Христов Д. Кратка история... С. 55.

12 Мавродинов Н. П. Раскопки и исследования... С. 122, 130.

13 Дончева-Петкова Л. Ученият... С. 10.

14 Mavrodinov N. Le Trésor Protobulgare de Nagyszentmiklós // Archaeologia Hungarica. Budapest, 1943. Vol. XXIX. 282 p.

тельность ученых в этом направлении. В 1942–1943 гг. в Софии выходил историко-этнографический журнал, посвященный болгарскому наследию на северном побережье Эгейского моря¹⁵. Однако военные годы не оказались периодом расцвета и стабильности страны. Уже в 1941 г. были введены ограничения по отпуску товаров потребления, стало не хватать фуража, поскольку все больше и больше товаров уходило в Германию¹⁶. Замерла и экспедиционная деятельность — сведений о более-менее серьезных археологических полевых изысканиях за 1940–1945 гг. найти не удалось. А в 1944 г. война пришла в Болгарию — с 10 января начались налеты англо-американской авиации на Софию и другие крупные города. 11 масштабных, иногда многочасовых, в несколько сотен самолетов, бомбардировок привели к разрушению четверти городского фонда строений, но что более важно — навели ужас на болгар. Уже к 16 января столицу надолго покинули почти все ее жители¹⁷. 21 января руководство БАН объявило, что академия приостанавливает свою научную и издательскую деятельность¹⁸, почти все научные журналы не выходили в этот год.

Новый этап в истории Болгарии и болгарской науки начался 9 сентября 1944 г. — в результате переворота власть перешла представителям партий, объединившихся в 1942–1943 гг. в Отечественный фронт (ОФ), где первую скрипку играли коммунисты. Одновременное вступление на территорию страны частей РККА создавало благоприятные условия для закрепления власти ОФ, упрочения влияния СССР, хотя номинально контролировала страну Союзная контрольная комиссия¹⁹.

Желание новых властей трансформировать государство касалось, помимо прочего, культуры и науки. 10 февраля 1945 г. директор болгарского радиовещания писатель О. Василев обратился к лидеру

15 *Иванчев Д.* Български периодичен печат, 1844–1944: анотиран библиографски указател. София, 1962. Т. 1. С. 83–84.

16 *История на България.* София, 1999. Т. 3: История на нова България, 1878–1944 / Стателова Е., Грънчаров С. С. 612.

17 *Якимова И.* Битката за София. Как войната преобрази столичния град // Великите сили, Балканите и България през Втората световна война. Международна научна конференция 21–23 април 2015, София / съст. А. Гребенаров. София, 2016. С. 318, 325.

18 *Тодев И., Гешева Й., Кандиларов Е., Марчева И., Понпетров Н., Христов Д.* Кратка история... С. 56.

19 *България в XX век: очерки политической истории* / отв. ред. Е. Л. Валева. М., 2003. С. 296.

болгарских коммунистов, главе Международного отдела ЦК ВКП(б) Г. Димитрову с донесением, в котором указал на необходимость пользоваться сложившейся ситуацией для перестройки жизни страны. Наиболее эффективно, по его мнению, это можно было бы осуществить, напрямую заимствуя опыт у СССР. «К Союзной Контрольной Комиссии или под какой-либо другой формой в Болгарию должно быть послано гораздо больше советских специалистов из всех отраслей государственной, общественной и культурной деятельности», — писал О. Василев, уточняя, что «речь идет не о писателях, которые бы нам что-нибудь прочли, или об артистах, которые бы нам что-нибудь спели, а об организаторах, политических деятелях, государственных деятелях». Г. Димитров дал письму ход²⁰.

Параллельно по линии Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) Болгарию посещали советские деятели культуры и науки. В частности, в 1945 г. в стране побывали Ансамбль народного танца под руководством И. А. Моисеева, театр кукол С. В. Образцова, писатель Л. М. Леонов и многие другие²¹. Среди ученых-историков главную роль играл академик Н. С. Державин, считавшийся в тот момент ведущим болгаристом СССР. В Болгарии его принимали на высшем уровне, удостоивали аудиенции первые лица страны, в Софии назвали улицу в его честь²². 27 мая 1945 г., за день до инсульта, прервавшего трехмесячное турне академика по Балканам, Н. С. Державин в интервью радиостанции «София» отметил высокий уровень болгарской науки. Впрочем, он явно считал необходимым дополнительное «воспитание» со стороны советских товарищей, поскольку добавил: «Но впереди еще много работы. Мы должны вступить на новый путь и начертать линию новой культурной деятельности»²³.

Отечественный историк М. Ю. Досталь решение отправить на Балканы историко-этнографическую экспедицию связывала с успехом визита Н. С. Державина и пожеланиями, высказанными в июне —

20 Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. В 2-х тт. Документы / отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 1999. Т. 1: 1944–1948. С. 140–141.

21 *Бирюзов С. С.* Советский солдат на Балканах. М., 1963. С. 280–281.

22 Подробнее см.: *Досталь М. Ю.* Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы). М., 2009. С. 383–386. Отметим, что улица до сих пор носит это название.

23 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р5283. Оп. 17. Ед. хр. 49. Л. 158.

июле 1945 г. на праздновании 220-летия АН СССР²⁴. Отметим, что там присутствовали также главы югославской и болгарской академий²⁵. Однако осуществлению первой советской археолого-этнографической экспедиции на Балканы способствовал еще ряд обстоятельств. Так, весной 1945 г. на Всесоюзном археологическом совещании директор Института истории материальной культуры Б. Д. Греков в пленарном докладе заявил о необходимости исследования территории Балкан и даже поставил вопрос о воссоздании Русского археологического института в Константинополе²⁶. А в конце июня вице-президент АН СССР В. П. Волгин направил секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову и заместителю председателя СНК Н. А. Вознесенскому докладную записку с ходатайством о содействии в получении разрешения организовать ряд экспедиций в балканские страны. «Интересы развития отечественной науки в области этнического состава славян Балканского полуострова, истории их материальной культуры и искусства близких нам народов, а также назревшая потребность расширения диапазонов тематики соответствующих институтов АН СССР делают своевременной постановку вопросов о научных экспедициях», — обосновывал просьбу вице-президент АН СССР²⁷.

К записке были приложены три официальных письма на имя В. П. Волгина — от Б. Д. Грекова, директора Института этнографии С. П. Толстова и ученого секретаря М. Г. Рабиновича, директора Института истории искусств И. Э. Грабаря с проектами по организации археологических и этнографических исследований на Балканах, а также проведению обследования балканской архитектуры и живописи соответственно²⁸.

Программа работ ИИМК отличалась весьма впечатляющим размахом для первых послевоенных месяцев. В ней был изложен план изучения археологических памятников Дунайского бассейна и Балкан, обусловленный «необходимостью разработки и правильного пони-

24 *Досталь М. Ю.* Как Феникс... С. 387.

25 Юбилейная сессия в Отделениях (Отделение истории и философии) // *Вестник АН СССР.* 1945. № 7–8. С. 118–126.

26 Тезисы и проекты резолюций по докладам на Всесоюзном археологическом совещании в Москве 24 февраля — 2 марта 1945 г. М., 1945. С. 8.

27 Архив Российской академии наук (далее — АРАН). Ф. 2. Оп. 1 (1945). Д. 248. Л. 1, 11.

28 Там же. Л. 2–10.

мания проблем, связанных с происхождением славян, их расселения и миграций»²⁹.

Деятельность экспедиции планировалось разделить на два этапа. В начальный, двухмесячный, период члены экспедиции должны были ознакомиться с археологическими фондами музеев Чехословакии, Венгрии, Югославии и Румынии, а также установить научные контакты с местными археологическими учреждениями в целях организации совместных исследований. В Болгарии следовало посетить Софию, Тырново и Пловдив.

Сроки реализации второго этапа предполагалось определить после завершения первого. На этой стадии планировалось обследование районов с целью наметить места будущих раскопок. Среди них основное место занимала территория Болгарии, в первую очередь — правый берег Нижнего Дуная. Предусматривалась широкая археологическая разведка и последующие раскопки в Преславе, Тырново, Силистре, Плиске. «Задачи работ в этих районах заключаются в выявлении антского слоя в придунайских городищах, а также слоев эпохи Киевской Руси. Необходимо продолжать археологические исследования в Абобе-Плиске, начатые русскими учеными еще 40 лет назад», — говорилось в записке³⁰.

Задачами этого этапа в рамках решения проблем славянского этногенеза являлось также выявление поселений дославянских племен — дако-фракийских племен в треугольнике Галац — Тырново — Варна и раскопки курганных могильников скифо-сарматского времени в бассейне р. Марицы. В программу были включены исследования поселенческих памятников энеолита и бронзового века на территории Румынии и Молдавии для «изучения древнейших этапов истории земледельческих племен Нижне-Дунайского региона, связанного с культурами Поднепровья»³¹.

Планируемая программа Института этнографии базировалась на разработке проблем этногенеза южных славян, исследовании их историко-культурных связей с восточными славянами, расселения на Балканском полуострове. Отмечалось, что все работы экспедиции должны быть тесно увязаны с археологическим изучением региона. В то же время ученые считали необходимым ответить на, пожалуй, самый большой этнополитический вопрос того времени — выяснить

29 Там же. Л. 4.

30 Там же.

31 Там же. Л. 5.

этнический состав Македонии. «Этот вопрос до настоящего времени не разрешен. Сербы, болгары и греки стараются доказать национальную принадлежность Македонии», — разъясняли авторы проекта. Кроме того, задачей являлось выявление русского элемента в Болгарии, чтобы проследить историко-культурные связи Древней Руси и Болгарии, их отражение в быту, материальной и духовной культуре современного болгарского народа³².

В проекте Института истории искусств сообщалось, что детальное изучение памятников балканской архитектуры и живописи может осветить происхождение многих из форм древнерусского и раннемосковского зодчества. Значительная часть работ советских архитекторов и искусствоведов планировалась в Болгарии³³, но этот проект, к сожалению, в итоге не был реализован.

В записке В. П. Волгина также упоминалось, что археологические памятники именно на территории Румынии и Болгарии «представляют огромный интерес для решения исторических вопросов»³⁴. И если в плане Румынии, безусловно, подразумевались поселения яркой трипольской культуры, то Болгария рассматривалась как регион, изучение которого, предположительно, даст новые сведения о раннем этапе истории славян. А их в свою очередь можно было бы связать с результатами исследований советских археологов в Среднем Поднепровье. Болгария была важна и с учетом возросшего для советской исторической науки значения Византии. К тому же, как упоминалось выше, в Болгарии уже проводил археологические исследования Русский археологический институт, и возобновление подобных работ могло рассматриваться как продолжение этой традиции.

Далеко идущие цели работ Балканской экспедиции были включены в пятилетний план научно-исследовательских работ ИИМК на 1946–1950 гг. Они содержали следующие задачи: исследования поселений эпохи энеолита и бронзового века, а также обследования средневековых памятников на Нижнем Дунае, возобновление раскопок в Плиске, изучение этнографических и антропологических данных, публикация трудов экспедиции³⁵.

Согласно изначальному плану, в состав экспедиции от ИИМК были включены специалисты по каждой эпохе, отраженной в про-

32 Там же. Л. 8.

33 Там же.

34 Там же. Л. 2.

35 Там же. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 26. Л. 83.

екте, — от бронзового века до средневековья. В дальнейшем список делегации подвергся корректировке. На распорядительном заседании Президиума АН СССР от 4 ноября 1945 г. был утвержден обновленный состав экспедиции в Болгарию, Югославию и Румынию³⁶. Из него исключили историков-антиковедов, а также специалистов по археологии эпохи раннего железного века, при этом ввели исследователя Старой Ладogi и онежских петроглифов В. И. Равдоникаса, антрополога В. В. Бунака и этнографов П. Г. Богатырева и С. А. Токарева. Руководителем назначили Б. Д. Грекова, а сроки экспедиции ограничили двумя месяцами. Планировалось ее отправить в том же месяце.

Вероятно, основным инициатором организации поездки советских археологов и этнографов на Балканы был сам Б. Д. Греков. Его положение академика, директора двух академических институтов (ИИМК и Института истории) и президента исторической секции ВОКС могло содействовать одобрению экспедиции на высоком государственном уровне.

Определенную роль в планировании Балканской экспедиции играл и П. Н. Третьяков, занимавшийся вопросами происхождения славян и впоследствии разработавший свою концепцию по этому вопросу. В 30-х гг. он активно исследовал славянские поселения в Среднем Поднепровье, и предполагаемые раскопки на Балканах вполне могли стать продолжением данных исследований. Наличие в изначальном проекте Балканской экспедиции пунктов о раскопках памятников эпохи бронзы и раннего железного века также можно связать именно с научными интересами П. Н. Третьякова. Формируя свое видение славянского этногенеза, он выделял в материалах археологических культур Восточной Европы указанных периодов протославянские элементы³⁷.

В целом проект Балканской экспедиции мог быть и косвенно связан с планами восстановления Русского археологического института, озвученными на заседаниях Всесоюзного археологического совещания. С учетом политической обстановки можно предположить, что при определенных обстоятельствах он имел шанс появиться в одной из балканских стран. Для правительственных структур проведение Балканской экспедиции было важной гуманитарной акцией и, надо полагать, одним из актов советской культурной дипломатии на Балканском полуострове в послевоенный период.

36 Там же. Д. 512. Л. 5.

37 Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953. С. 20–82.

Несмотря на постановление Президиума АН СССР об отправке историко-археологической экспедиции на Балканы в ноябре 1945 г., сроки ее работы были перенесены. К тому времени снова сократился состав участников. В. В. Бунак, Т. И. Кругликова и Т. С. Пасек были исключены. Б. Д. Греков не смог поехать по состоянию здоровья. Прошение о его замене на П. Н. Третьякова в качестве руководителя экспедиции В. П. Волгин 10 декабря 1945 г. подал на имя начальника Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова³⁸.

В итоге экспедиция вылетела на Балканы в следующем составе: П. Н. Третьяков, А. В. Арциховский, В. И. Равдоникас, Б. А. Рыбаков, П. Г. Богатырев и С. А. Токарев. Ее изначальные цели сильно ограничили, оставив, таким образом, лишь этнографическую составляющую и различные аспекты изучения средневековой истории славянских народов Балканского полуострова. Тем не менее даже в таком виде отправка экспедиции являлась важным достижением, открывая значимые перспективы как в плане международных контактов, так и в сфере исследований в области славяно-русской археологии в целом.

11 января делегация покинула Москву. Дорога заняла двое суток, поскольку перелет состоялся с остановкой в Бухаресте. 12–13 января ушло на знакомство с Софией и ее памятниками, посещение одного из них — шедевра средневекового болгарского искусства Боянской церкви — А. В. Арциховский отдельно зафиксировал в своей записной книжке³⁹. А затем началось то, что А. В. Арциховский в письме М. Н. Тихомирову назвал «бесчисленными банкетами в нашу честь», на которых участники экспедиции «сидели со скукой»⁴⁰. 15 января в малом салоне БАНИ состоялся торжественный вечер в честь гостей. С приветственным словом обратился секретарь Историко-филологического отделения академии, известный этнолог и филолог Ст. Романски. Затем с докладом «Славянская керамика в Болгарии и ее значение для славянской археологии Балкан» выступил ученый секретарь Института археологии К. Миятев⁴¹. Он рассказал о ранее распространенном ошибочном отождествлении керамики Преслава, Плиски, Мадара и Калугерицы с протоболгарской культурой, хотя указанные артефакты имели очевидные параллели в славянской куль-

38 АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1945). Д. 248. Л. 14.

39 Там же. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 16. Л. 25об.

40 Там же. Ф. 693. Оп. 4. Д. 91. Л. 2.

41 Отечествен фронт. 1946. 15 января.

туре, распространенной «от Балтики до Болгарии»⁴². Стоит отметить, что данная речь вполне ложится в довольно устойчивую специфику амбивалентной болгарской идентичности XIX — первой половины XX вв.: в зависимости от характера отношений с Россией/СССР в публичном пространстве чаще упоминались тюркские протоболгарские или славянские корни народа. 17 января состоялось заседание Историко-филологического отделения БАНИ, где П. Н. Третьяков сделал доклад на тему «Восточнославянские племена накануне возникновения древнерусского государства»⁴³.

Лекции советские ученые читали на протяжении всего своего пребывания в Софии. Чаще всего это происходило в БАНИ и Софийском университете, всего их состоялось 11. Выступления вызвали интерес публики, и БАНИ совместно с Обществом культурной связи Болгарии и СССР обратились к делегатам с просьбой предоставить тексты лекций для их последующей публикации⁴⁴. В 1947 г. сборник вышел из печати⁴⁵. В целом власти уделяли визиту значительное внимание. В официальной газете «Отечествен фронт» печатались анонсы лекций, сведения о встречах и планах советских археологов и этнологов, публиковались их фотографии⁴⁶, содействие оказывали государственные и научные организации, министерство информации и искусства во главе с Д. Казасовым, советский посланник С. П. Кирсанов⁴⁷.

Но все же поездка носила статус экспедиции, имела свои четкие цели, а потому осмотром болгарской столицы и ее достопримечательностей ученые не ограничились и совершили две поездки по стране. Обставлены они были довольно помпезно — сопровождали делегатов директор Археологического музея Н. Мавродинов, директор Этнографического музея Х. Вакарелски и академик Ст. Романски⁴⁸, об их планах и маршрутах писали газеты, экскурсии устраивали местные руководители музеев, а саму дорогу ученые проводили в царском вагоне⁴⁹. 20–22 января делегация посетила Пловдив и его окрестности, в том числе и Бачковский монастырь, а затем возвратилась в Софию.

42 Там же. 16 января.

43 Там же. 18 января.

44 АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 9.

45 Славянска археология и этнография в Съветския Съюз. София, 1947.

46 Отечествен фронт. 1946. 18 января; Там же. 6 февруари.

47 АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 12.

48 Там же. Л. 11.

49 Там же. Ф. 693. Оп. 4. Д. 91. Л. 2.

25 января⁵⁰ выехали в Северную Болгарию, где осмотрели Варну, Преслав, Мадару и Плиску⁵¹, и вернулись 30 января⁵². По неизвестной причине не был совершен визит в Тырново, столицу Второго болгарского царства, хотя это предполагалось изначальными планами, и болгарские газеты писали о маршруте, пролегающем через Тырново, при этом не упоминали Варну⁵³. Накануне отъезда из Болгарии советских археологов и этнологов министр Д. Казасов дал в фешенебельном Юнион-клубе⁵⁴ торжественный обед в честь почетных гостей⁵⁵.

3 февраля советские ученые отправились в Югославию, затем — в Румынию и оттуда 9 марта — в СССР. А 7 февраля по линии ВОКС из Болгарии в Москву отправили ящик с этнографическими материалами, собранными экспедицией, а также «письмо руководителя Балканской экспедиции Академии наук СССР проф. Третьякова для тов. Волкова, спецотдел Академии наук СССР»⁵⁶. К сожалению, пока не удалось ни найти это письмо, ни идентифицировать товарища Волкова.

Бытовых впечатлений приобрели участники экспедиции множество. «Вообще, боюсь надоест Вам и всем по возвращении своими рассказами», — писал А. В. Арциховский М. Н. Тихомирову⁵⁷. Однако, как потом сообщил Артемий Владимирович К. Миятеву, в Москве приходилось много рассказывать о поездке по Балканам — «никто не имеет ясного представления о жизни в этих странах»⁵⁸. В дальнейшем немалую роль сыграли установленные между учеными личные связи, благодаря им шел книгообмен, планировались и осуществлялись командировки коллег. Через ВОКС в Болгарию пересылали недостающую научную литературу по археологии и этнологии⁵⁹.

50 Отечествен фронт. 1946. 26 януари.

51 АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 16. Л. 25об.

52 Отечествен фронт. 1946. 31 януари.

53 Там же. 26 януари.

54 Это было не историческое здание клуба 1884 г., разрушенное во время англо-американских бомбардировок; но в том, что все оставалось на прежнем, подчеркнуто европейском и аристократическом уровне, сомневаться не приходится.

55 Отечествен фронт. 1946. 2 февруари.

56 ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 17. Ед. хр. 49. Л. 105–106.

57 АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 91. Л. 2.

58 Научен архив на Българската академия на науките (далее – НАБАН). Ф. 95. Оп. 1. А. е. 35. Л. 1об.

59 ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 17. Ед. хр. 48. Л. 118.

Впрочем, основной целью поездки была научная. Археологи на основании осмотра музейных коллекций пришли к выводам о сходстве многих археологических памятников на территории СССР и Болгарии и о тесных связях южного и восточного славянства в средние века⁶⁰. Этнологи же получили возможность не ограничиваться в изучении страны музеями, поскольку им удалось посетить болгарские села и увидеть там празднование Сурвы в селе Дивле⁶¹, свадьбу близ Шумена, Бабин день⁶² и Крещение близ Софии⁶³, а также совершить визиты в деревни старообрядцев и мусульман⁶⁴. Полевой материал вкупе с музейными коллекциями позволил им заключить, что в быту болгарской деревни сохранились «многие архаичные черты славянской культуры, бытовавшие в области восточного славянства в IX–XI вв.»⁶⁵. Подробно официальные научные результаты были изложены в статьях П. Н. Третьякова⁶⁶, А. В. Арциховского⁶⁷, П. Г. Богатырева⁶⁸ и С. А. Токарева⁶⁹. Более интересны же сведения, приведенные в помеченном «для служебного пользования» отчете П. Н. Третьякова для Ученого совета ИИМК и Президиума АН СССР. Учитывая новизну материала, его важность и в то же время не прикрытую никакой «братской» риторикой трезвую оценку болгарской науки середины XX в., приведем пространную цитату с небольшими купюрами:

Переходя к общей характеристике состояния археологической науки в Болгарии, прежде всего следует отметить, что в этой срав-

60 АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 6–7.

61 Праздновалось 14 января. В газете неточно назвали это куцерским праздником (Отечествен фронт. 1946. 15 януари), а в отчете экспедиции — праздником «Сурвакаре» (АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 3).

62 Праздновался 21 января.

63 АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 7.

64 *Токарев С. А.* Этнографические наблюдения в славянских странах (1946 г.) // Советская этнография. 1946. № 2. С. 204–205.

65 Там же. Л. 3.

66 *Третьяков П. Н.* Балканская археолого-этнографическая экспедиция // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1947. № 3. С. 279–284.

67 *Арциховский А. В.* Археологическая поездка на Балканы // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 100–107.

68 *Богатырев П. Г.* Отчет о поездке в Балканские страны // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1947. Вып. 3. С. 82–94.

69 *Токарев С. А.* Этнографические наблюдения...

нительно небольшой стране имеется значительное число археологических учреждений, главным образом музеев, которыми проводятся полевые исследования, организуется охрана и изучение памятников древности, и, наконец, их публикация [...]

При наличии в стране выдающихся памятников старины археологические исследования в Болгарии привели к ряду крупнейших открытий [...] Но наряду с этим, отмечая значительный размах археологических исследований в Болгарии, следует указать на их бросающуюся в глаза ограниченность. Археологическая наука в Болгарии является не столько частью исторической науки, сколько частью истории искусств и истории архитектуры в их обычной буржуазной трактовке. Археологов привлекают лишь те памятники, которые, по их мнению, имеют художественное значение. Предметы бытового назначения, остатки поселений, рядовых жилищ, следы ремесел и мн. др., составляющие основной объект изучения советских археологов, здесь, как правило, остаются без внимания и погибают. Вследствие этого и методика раскопок носит весьма примитивный характер и сводится к задаче вскрытия архитектурных остатков или к поискам эффектных вещей без достаточного изучения культурных наслоений всего встречающегося в их толще материала. Те памятники, которые не обещают эффектных находок, как то: места сельских поселений различного времени, могильники сельского населения, земляные укрепления и т. п., совершенно не исследуются. По этой же причине очень плохо изучены в Болгарии поселения палеолита (известно 2–3 местонахождения), неолита, эпохи бронзы и раннего железного века. Внимание археологов привлекают преимущественно античность, древнеболгарские города и храмы.

В соответствии с обрисованным выше характером археологической науки в Болгарии, перечисленные выше болгарские музеи представляют собой хранилища древних вещей, сгруппированных преимущественно по формально-типологическому признаку без каких-либо попыток их исторической интерпретации. [...]

Несколько иную оценку должны получить этнографические исследования в Болгарии. Прежде всего следует отметить, что в Болгарии, где крестьянское население хранит в своем быту много старины и национальных черт, объем этнографических исследований сравнительно невелик, а их идейно-теоретическое содержание чрезвычайно бледно. Собственно этнографическими исследованиями занимается лишь народный Этнографический музей в Софии и отчасти Университет. Из серьезных этнографов можно назвать

лишь одного Х. Вакарельского — директора этнографического музея. В области фольклора и народной музыкальной культуры имеется также лишь Кацарова. Провинциальные музеи обладают очень небольшими случайными собраниями этнографических материалов и почти никакой научно-исследовательской работы в этой области не ведут. В Университете этнографическая работа является незначительным дополнением к обширным филологическим исследованиям в главе с С. М. Романским⁷⁰.

Приведенную характеристику болгарской науки нельзя воспринимать дословно и безапелляционно. Ее требуется рассматривать через призму момента и целей автора документа. Отчет предназначался, видимо, в том числе и для сотрудников государственных структур и дипломатических ведомств. А это диктовало определенные правила. Во-первых, занимая административные посты, П. Н. Третьяков не мог избежать подобных идеологических оценок и риторики. Во-вторых, в стране, где, как тогда утверждалось, до 1944 г. существовал фашистский режим, не могло быть все правильно. Это естественным образом экстраполировалось на науку. А похвалы болгарским коллегам со стороны ученого из страны, освободившей Европу от фашизма, могли быть восприняты как минимум с настороженностью. В-третьих, в межвоенный период болгарская археология развивалась в основном в русле западной традиции, и П. Н. Третьяков критиковал именно эти порядки, подчеркивая их буржуазный характер. В то же время отчет является ценным наблюдением о методике раскопок и состоянии болгарских музеев в послевоенный период. Это косвенно подтверждается статьей Н. Мавродинова, оценивающей положение археологии в Болгарии к середине 1950-х гг.⁷¹ В-четвертых, вполне вероятно, что П. Н. Третьяков, приводя подобные оценки, таким образом призывал развивать научные связи с зарубежными коллегами, чтобы помочь им преодолеть указанные «пережитки».

В заключение П. Н. Третьяков по пунктам перечислил достижения экспедиции, в которые входили и предварительные договоренности об организации совместных археологических исследований на Дунае, и предложил осуществить ряд мероприятий для дальнейшего сотрудничества. Среди них он указал посылку в балканские научные учреждения советской археологической, этнографической и истори-

70 АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 4–8.

71 См.: Мавродинов Н. П. Раскопки и исследования...

ческой литературы, командировку на Балканы советских археологов — специалистов по палеолиту, античности, хазаро-болгарским древностям, антропологов, историков архитектуры и искусства, организацию славянских научных съездов по археологии и этнографии, а также создание общих периодических научных изданий⁷².

Уже 12 марта 1946 г. П. Н. Третьяков выступил с докладом о предварительных итогах работы Балканской археолого-этнографической экспедиции на Ученом совете ИИМК. В частности, он сообщил и о достигнутых с БАН договоренностях относительно планов по организации совместных археологических и этнографических исследований в северо-восточной Болгарии осенью 1946 г.

В последующем обсуждении Б. Д. Греков указал на наличие со стороны югославских ученых запроса на аналогичную экспедицию в их стране, а потому выразил мнение, что это надо осуществить «хотя бы в миниатюрном масштабе»⁷³. Вдобавок он вписывал успех экспедиции уже в более масштабные проекты: «У нас существует план создания специального института славяноведения, который должен будет охватить все виды науки, элементарно конечно, связанные с изучением славянства [...] Я думаю, близок тот день, когда наши желания будут осуществлены, и мы сможем поставить эту работу на должную высоту. То, что нам сегодня сообщил начальник археологической экспедиции, является подтверждением того, что наши надежды осуществимы»⁷⁴. Как известно, эти надежды вскоре реализовались.

Выступавшие после С. П. Толстов, В. Н. Лазарев, В. И. Пичета оценили работу экспедиции и ее дальнейшие перспективы исключительно положительно. Звучали предложения расширить масштаб работ за счет организации исследований на территории Югославии, Румынии, привлечения к работе искусствоведов⁷⁵. В. П. Волгин в своих выводах подчеркнул значимость договоренностей о работах в Болгарии и добавил: «Мы должны сделать все от нас зависящее для того, чтобы эту программу осуществить. Это будет очень большим достижением для нашей советской археологической науки и для на-

72 АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 28.

73 Здесь нельзя не отметить присущего болгарам и сербам еще с XIX в. ревнивого отношения к знакам симпатии и близости со стороны России / СССР.

74 АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 35–36.

75 Там же. Л. 25–28.

шего общения с весьма близкими нам славянскими странами»⁷⁶. В своем заключительном слове П. Н. Третьяков заметил, что необходимо сосредоточиться именно на небольших раскопках в Болгарии с учетом ограниченных возможностей. С другими же балканскими странами следует только налаживать книгообмен и посылать исследовательские группы⁷⁷.

В течение 1946 г. П. Н. Третьяков еще дважды выступал на заседаниях сектора Древней Руси Ленинградского отделения ИИМК с докладами о средневековых памятниках Балканского полуострова и праздновании Сурве в западной Болгарии⁷⁸. Позже он опубликовал статью, посвященную материальной культуре славянского населения в Болгарии и основанную на сопоставлении археологического и этнографического материала, собранного во время Балканской экспедиции⁷⁹.

Как выше упоминалось, А. В. Арциховский также представил статью по материалам своих лекций в Болгарии⁸⁰ и публично провел разбор монографии Н. Мавродинова о Надьсентмиклошском кладе. Отметив исследователя как крупнейшего болгарского археолога и приведя множество достоинств его монографии, Артемий Владимирович перешел к критике в духе отчета П. Н. Третьякова, упомянув связь Н. Мавродинова с французскими научными центрами: «Недостатком работы прежде всего является изолированное изучение истории прикладного искусства в отрыве от социально-экономической истории, что для западноевропейских археологов типично [...] Они не интересуются ни хозяйством, ни общественными отношениями, они и не собирают для этого необходимых материалов». В конце докладчик сообщил, что болгарский коллега «осваивает сейчас марксистско-ленинскую методологию»⁸¹. Опять же А. В. Арциховский, будучи во многом и теоретиком советской археологии, не мог упустить идеологическую составляющую, но вместе с тем для научной общественности он осуществил глубокий анализ труднодоступной публикации очень яркого и важного памятника, каким является Надьсентмиклошский клад.

76 Там же. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 34. Л. 31.

77 Там же. Л. 43.

78 Там же. Д. 27. Л. 70.

79 *Третьяков П. Н.* Восточнославянские черты в быту населения Придунайской Болгарии // Советская этнография. 1948. № 2. С. 170–183.

80 *Арциховский А. В.* Культурное единство славян в средние века // Советская этнография. 1946. № 1. С. 84–90.

81 АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–1об.

Но главным научным итогом экспедиции стала публикация в 1947 г. под грифом БАН⁸² отмеченного выше сборника из семи статей участников Балканской экспедиции, написанных по материалам прочитанных в Болгарии лекций⁸³. Предисловие к нему написал глава историко-филологического отделения академик С. Романски. Он представил характеристику состояния археологии в Советском Союзе, достижения в изучении материальной культуры славян до образования Древнерусского государства, результаты исследований Киева, Новгорода, Старой Ладogi.

Работы Балканской экспедиции получили одобрение и на уровне Президиума АН СССР⁸⁴, что обусловило дальнейшее ее планирование. В отчет о научно-исследовательской работе ИИМК за 1946 г. были включены итоги поездки и озвучены дальнейшие цели на 1947 г. — организация археолого-этнографических исследований в Нижнем Подунавье для обследований славянских поселений⁸⁵.

Однако совместные археологические исследования так и не состоялись, несмотря на то, что еще 12 мая 1947 г. председатель БАН академик Т. Павлов сообщил в письме в Президиум АН СССР о том, что со стороны болгарской стороны все готово относительно договоренностей, заключенных в начале 1946 г., и предложил начать исследования уже в августе 1947 г.⁸⁶ В итоге второй этап Балканской экспедиции реализован не был.

Представляется, что одним из факторов, не позволивших осуществиться амбициозному проекту, являлось развертывание широко-масштабных раскопок в самом Советском Союзе. О недостаточном внимании к археологическому изучению русских городов, в особенности разрушенных во время Великой Отечественной войны, было заявлено на заседании Президиума АН СССР, посвященном полевым исследованиями 1946 г.⁸⁷ В 1947 г. А. В. Арциховский продолжил прерванные раскопки в Новгороде, в дальнейшем начались масштабные археологические исследования в Пскове, Москве и в других городах и регионах СССР.

82 1 февраля 1947 г. Болгарская академия наук и искусств получила прежнее наименование — БАН.

83 Славянска археология и этнография в Съветския Съюз. София, 1947.

84 АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1946). Д. 440. Л. 5.

85 Там же. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 27. Л. 3.

86 Там же. Ф. 457. Оп. 1. Д. 85 (1945–1956). Л. 8–9.

87 Там же. Ф. 1. Оп. 36. Д. 88. Л. 43.

Вероятно, наиболее значительную роль сыграли последующие идеологические кампании 1948–1949 гг., затронувшие ИИМК, Институт этнографии и самих участников Балканской экспедиции. В 1948 г. поддержанный П. Н. Третьяковым В. И. Равдоникас выступил с публичной критикой положений учебника А. В. Арциховского «Введение в археологию» и последовавшим выводом о безыдейности трудов московского коллеги. В 1949 г. в ИИМК прошло антикосмополитическое собрание. В ходе дискуссии Б. А. Рыбаков обвинил в космополитизме В. И. Равдоникаса. После к обвинениям присоединился А. В. Арциховский. В 1948 г. П. Г. Богатырев был изобличен в космополитизме и уволен из Института этнографии⁸⁸. Очевидно, что продолжение какой-либо совместной деятельности участников Балканской экспедиции стало невозможным.

В этих условиях проект Балканской экспедиции был отодвинут. Тем не менее он заложил основы дальнейшего сотрудничества, реализованного в налаженном книгообмене, установлении научных контактов. Планы проведения совместных археологических исследований впервые воплотились в 1954 г., когда силами Болгаро-советской археологической экспедиции под руководством М. И. Артамонова были проведены раскопки средневекового городища у с. Попино в северо-восточной Болгарии⁸⁹.

В 1956 г. Б. А. Рыбаков организовал Советско-Болгарскую экспедицию, в течение одного полевого сезона осуществившую масштабные археологические исследования в детинце Чернигова. В раскопках участвовали сотрудники Археологического института БАН С. Н. Георгиева и Ж. Н. Выжарова⁹⁰. Отметим, что несколько ранее, в 1952 г., Ж. Н. Вы-

88 Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). М.; СПб., 2016. С. 183–185; 254–256; Алымов С. С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940 — 1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 97 (3). С. 7–36.

89 Артамонов М. И. Болгаро-советская археологическая экспедиция 1954 г. // Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук, на пленуме Института истории материальной культуры и сессии Ученого совета Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1954 г. М., 1955. С. 36–37; Выжарова Ж. Славяно-Българското селище край село Попина, Силистренско. София, 1956.

90 Рыбаков Б. А. Отчет Советско-Болгарской экспедиции 1956 г. // Архив Института археологии РАН. 1956. Р-1. № 1349.

жарова защитила кандидатскую диссертацию в Институте этнографии⁹¹. В январе 1957 г. К. Миятев в письме Б. А. Рыбакову передавал благодарность болгарских археологов за участие в Советско-Болгарской экспедиции и рассказал о незабываемых впечатлениях от экспедиций в СССР, «посещения Новгорода и других замечательных городов», которыми поделилась С. Георгиева. Директор Археологического института БАН отмечал необходимость дальнейших совместных исследований. В этом же письме он упоминал совещание в Софии с А. В. Арциховским и П. Н. Третьяковым в 1946 г., когда идея совместных исследований была озвучена впервые⁹². Б. А. Рыбаков согласился с мыслями К. Миятева и даже наметил три основные темы совместных изысканий (фракийская, славянская, протоболгарская), предложил проводить тематические семинары с участием археологов из СССР, Болгарии, Румынии, Венгрии и Чехословакии⁹³. Однако столь масштабный проект так и остался на бумаге. Хотя общие полевые исследования продолжались.

В 1977–1980 гг. силами Болгаро-Советской археологической экспедиции проводились раскопки Плиски. В 1978 г., через три года после своего возникновения, Советско-Венгерская экспедиция по изучению Маяцкого археологического комплекса, расположенного на территории Воронежской области, стала Советско-Болгаро-Венгерской и в таком виде проработала до 1982 г. включительно⁹⁴.

Заложенные еще в изначальном проекте Балканской экспедиции планы исследования поселений энеолита и бронзового века воплотились в начале 1960-х гг., когда были организованы многолетние раскопки Болгаро-Советской экспедицией телья Эзеро в юго-восточной Болгарии (1961–1971 гг.). Следующим подобным археологическим объектом на территории Болгарии, изучение которого проводилось совместно с отечественными археологами в период с 1982 по 2001 гг., стал тель Юнаците под Пазарджиком⁹⁵.

91 *Выжарова Ж. Н.* Пахотные орудия на территории Болгарии и их этническое определение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1952.

92 НАБАН. Ф. 95. Оп. 1. А.е. 274. Л. 3.

93 Там же. Л. 4.

94 *Плетнева С. А.* Стратиграфические исследования Плиски (работы Советского отряда 1977–1980) // Плиска – Преслав. Шумен, 1992. № 5. С. 35–62; Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / отв. ред. С. А. Плетнева. М., 1984.

95 *Мерперт Н. Я., Черных Е. Н.* Болгаро-Советская археологическая экспедиция // Вопросы истории. 1974. № 6. С. 208–214; *Катинчаров Р. В.*

Среди всех многочисленных международных проектов советских и российских археологов именно экспедиции с болгарскими коллегами отличались столь разносторонним охватом целей исследований.

Балканская археолого-этнографическая экспедиция 1946 г. носила в основном ознакомительный характер. При этом она вполне развивала традиции, заложенные археологами Русского археологического института при раскопках Плиски и Преслава. Благодаря лекциям и публикациям ее участников общественность балканских стран в полной мере смогла ознакомиться с достижениями и открытиями советской археологии и этнографии, на примере археологических данных проследить единство славянской материальной культуры. Публикации, вышедшие в Советском Союзе по результатам поездки, в очередной раз представили многообразие балканского региона, его богатство разновременными археологическими памятниками и перспективы для этнографических исследований.

Очевидно, что такое сотрудничество было особо важным в атмосфере послевоенного времени. Несмотря на нереализованный проект совместных раскопок в конце 1940-х гг., итоги работы Балканской экспедиции 1946 г. имели большое значение для советских и балканских ученых, а также для установления научных связей, реализованных в дальнейшем.

Источники и литература

Архив Института археологии РАН

Архив Российской академии наук (РАН)

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Научен архив на Българската академия на науките (НАБАН)

Альмов С. С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940-х — 1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 97 (3). С. 7–36.

Артамонов М. И. Болгаро-советская археологическая экспедиция 1954 г. // Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук, на пленуме Института истории материальной культуры и сессии Ученого

Мацанова В. Х., Мерперт Н. Я., Тутов В. С., Авилова Л. И. Селищна могила при село Юнаците (Пазарджишко). София, 1995. Т. I.

совета Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1954 г. М.: Б. и., 1955. С. 36–37.

Арциховский А. В. Археологическая поездка на Балканы // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 100–107.

Арциховский А. В. Культурное единство славян в средние века // Советская этнография. 1946. № 1. С. 84–90.

Библиография на българската археология (1879–1955) / съст. С. Георгиева, В. Велков. София: БАН, 1957. 382 с.

Бирюзов С. С. Советский солдат на Балканах. М.: Военное издательство, 1963. 334 с.

Богатырев П. Г. Отчет о поездке в Балканские страны // Краткие сообщения Института этнографии. М.: АН СССР, 1947. Вып. 3. С. 82–94.

Болгария в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. Е. Л. Валева. М.: Наука, 2003. 463 с.

Въжарова Ж. Славяно-Българското селище край село Попина, Силистренско. София: БАН, 1956. 63 с.

Выжарова Ж. Н. Пахотные орудия на территории Болгарии и их этническое определение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1952. 15 с.

Дончева-Петкова Л. Ученият Кръстю Миятев // Приноси към българската археология. София: Аргес, 1993. Т. II. С. 7–16.

Досталь М. Ю. Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы). М.: Индрик, 2009. 464 с.

Иванчев Д. Български периодичен печат, 1844–1944: аотиран библиографски указател. София: Наука и изкуство, 1962. Т. 1. 503 с.

История на България. София: Анубис, 1999. Т. 3: История на нова България, 1878–1944 / Е. Стателова, С. Грънчаров. 648 с.

Катинчаров Р. В., Мацанова В. Х., Мерперт Н. Я., Титов В. С., Авилова Л. И. Селищна могила при село Юнаците (Пазарджишко). София: Агато, 1995. Т. I. 156 с.

Конева Р. Голямата среща на българския народ. Културата и предизвикателствата на войните 1912–1918 г. София: Марин Дринов, 1995. 227 с.

Маврадинов Н. П. Раскопки и исследования в Болгарии в последние годы // Советская археология. М.: АН СССР, 1955. Вып. XXIV. С. 121–154.

Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука, 1984. 277 с.

Мерперт Н. Я., Черных Е. Н. Болгаро-Советская археологическая экспедиция // Вопросы истории. 1974. № 6. С. 208–214.

Отечествен фронт. 1946. 15 януари — 3 февруари.

Плетнева С. А. Стратиграфические исследования Плиски (работы Советского отряда 1977–1980) // Плиска–Преслав. Шумен: БАН, 1992. № 5. С. 35–62.

Славянска археология и етнография в Съветския Съюз. София: Печатница на БАН, 1947. 167 с.

Слово на проф. Васил Николов, директор на Археологическия институт с музей на Българската академия на науките по случай 100 години от откриване // Археология. 2004. № 3–4. С. 125–127.

Тезиси и проекти резолюций по докладом на Всесоюзном археологическом совещании в Москве 24 февруари — 2 март 1945 г. М.: Оргкомитет по созыву совещания, 1945. 30 с.

Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.

Тодев И., Гешева Й., Кандиларов Е., Марчева И., Поппетров Н., Христов Д. Кратка история на Българската академия на науките. София: Марин Дринов, 2019. 127 с.

Токарев С. А. Этнографические наблюдения в славянских странах (1946 г.) // Советская этнография. 1946. № 2. С. 200–210.

Третьяков П. Н. Балканская археолого-этнографическая экспедиция // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1947. № 3. С. 279–284.

Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М.: АН СССР, 1953. 312 с.

Третьяков П. Н. Восточнославянские черты в быту населения Придунайской Болгарии // Советская этнография. 1948. № 2. С. 170–183.

Юбилейная сессия в Отделениях (Отделение истории и философии) // Вестник АН СССР. 1945. № 7–8. С. 118–126.

Юркуова Й. 110 години Археологически музей // Археология. 2003. № 1. С. 5–7.

Якимова И. Битката за София. Как войната преобрази столичния град // Великите сили, Балканите и България през Втората световна война. Международна научна конференция 21–23 април 2015, София / съст. А. Гребенаров. София: Симолини-94, 2016. С. 315–331.

Mavrodinov N. Le Trésor Protobulgare de Nagyszentmiklós // Archaeologia Hungarica. XXIX. Budapest: Akadémia kiadó, 1943. 282 p.

References

Arkhiv Instituta arkeologii RAN (Moscow).

Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk (Moscow).

Gosudarstvennyy archiv Rossijskoj Federacii (Moscow).

Nauchen arhiv na Balgarskata akademiya na naukite (Sofia).

Alymov, S. S. “Kosmopolitizm, marrizm i prochie «grekhi»: otechestvennye etnografy i arkeologi na rubezhe 1940 — 1950-kh godov”. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 97 (3), 2009, p. 7–36.

Artamonov, M. I. “Bolgarno-sovetskaia arkeologicheskaja ekspeditsiia 1954 g.”. *Tezisy dokladov na sessii Otdeleniia istoricheskikh nauk, na plenumе Instituta istorii material'noi kul'tury i sessii Uchenogo soveta Instituta etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaia, posviashchennykh itogam arkeologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniu 1954 g.* Moscow, 1955, p. 36–37

Artsikhovskiy, A. V. “Arkeologicheskaja poezdka na Balkany”. *Voprosy istorii*, no. 10, 1946, p. 100–107.

Artsikhovskiy, A. V. “Kul'turnoe edinstvo slavian v srednie veka”. *Sovetskaia etnografiia*, no. 1, 1946, p. 84–90.

Bibliografiya na balgarskata arheologiya (1879–1955) / ed. by Georgieva S., Velkov V. Sofia: BAN, 1957, 382 p.

Biriuzov, S. S. *Sovetskii soldat na Balkanakh*. Moscow: Voennoe izdatel'stvo, 1963, 334 p.

Bogatyrev, P. G. “Otchet o poezdke v Balkanskie strany”. *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii*, vol. 3, Moscow: AN SSSR, 1947, p. 82–94.

Bolgariia v XX veke: ocheпки politicheskoi istorii / ed. by E. L. Baleva. Moscow: Nauka, 2003, 463 p.

Doncheva-Petkova, L. “Ucheniyat Krastyu Miyatev”. *Prinosi kam balgarskata arheologiya*. Sofia: Arges, 1993, vol. II, p. 7–16.

Dostal', M. Iu. *Kak Feniks iz pepla... (Otechestvennoe slavianovedenie v period vtoroi mirovoi voiny i v pervye poslevoennye gody)*. Moscow: Indrik, 2009, 464 p.

Istoriya na Bulgariya. Sofia: Anubis, 1999, vol. 3: Istoriya na nova Bulgariya, 1878–1944 / Statelova E., Grancharov S., 648 p.

Ivanchev, D. *Balgarski periodichen pechat, 1844–1944: anotiran bibliografski ukazatel*. Sofia: Nauka i izkustvo, 1962, vol. 1, 503 p.

“Iubileinaia sessiia v Otdeleniiax (Otdelenie istorii i filosofii)”. *Vestnik AN SSSR*, no. 7–8, 1945, p. 118–126.

Katincharov, R. V., Matsanova, V. H., Merpert, N. Ya., Titov, V. S., Avilova, L. I. *Selishtna mogila pri selo Yunatsite (Pazardzhishko)*. Sofia: Agato, 1995, vol. I, 156 p.

Koneva, R. Golyamata sreshta na balgarskiya narod. Kulturata i predizvikatelstvata na voynite 1912–1918 g. Sofia: Marin Drinov, 1995, 227 p.

Maiatskoe gorodishche. Trudy Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoi ekspeditsii / ed. by S. A. Pletneva. Moscow: Nauka, 1984, 277 p.

Mavrodinov, N. “Le Trésor Protobulgare de Nagyszentmiklós”. *Archaeologia Hungarica*, vol. XXIX. Budapest: Akadémia kiadó, 1943, 282 p.

Mavrodinov, N. P. “Raskopki i issledovaniia v Bolgarii v poslednie gody”. *Sovetskaia arkheologiya*, vol. XXIV, Moscow: AN SSSR, p. 121–154.

Merpert, N. Ia., Chernykh, E.N. “Bolgaro-Sovetskaia arkheologicheskaiia ekspeditsiia”. *Voprosy istorii*, no. 6, 1974, p. 208–214.

Otechestven front. 1946. 15 ianuari — 3 fevuari.

Pletneva, S. A. “Stratigraficheskie issledovaniia Pliski (raboty Sovetskogo otriada 1977–1980)”. *Pliska–Preslav*, no. 5. Shumen: BAN, 1992, p. 35–62.

Slavyanska arheologiya i etnografiya v Savetskiya Sayuz. Sofia: Pechatnitsa na BAN, 194, 167 p.

“Slovo na prof. Vasil Nikolov, direktor na Arheologicheskiya institut s muzey na Balgarskata akademiya na naukite po sluchay 100 godini ot otkriv”. *Arheologiya*, no. 3–4, 2004, p. 125–127.

Tezisy i proekty rezoliutsii po dokladam na Vsesoiuznom arkheologicheskom soveshchaniu v Moskve 24 fevralia — 2 marta 1945 g. Moscow: Orgkomitet po sozyvu soveshchaniia, 1945, 30 p.

Tikhonov, V. V. *Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaia istoricheskaia nauka (seredina 1940-kh — 1953 g.)*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2016, 424 p.

Todev, I., Gesheva, Y., Kandilarov, E., Marcheva, I., Poppetrov, N., Hristov, D. *Kratka istoriya na Balgarskata akademiya na naukite*. Sofia: Marin Drinov, 2019, 127 p.

Tokarev, S. A. “Etnograficheskie nabliudeniia v slavianskikh stranakh (1946 g.)”. *Sovetskaia etnografiia*, no. 2, 1946, p. 200–210.

Tret'iakov, P. N. “Balkanskaia arkheologo-etnograficheskaiia ekspeditsiia”. *Izvestiia AN SSSR. Seriya istorii i filosofii*, no. 3, 1947, p. 279–284.

Tret'iakov, P. N. “Vostochnoslavianskie cherty v bytu naseleniia Pridunaiskoi Bolgarii”. *Sovetskaia etnografiia*, no. 2, 1948, p. 170–183.

Tret'iakov, P. N. *Vostochnoslavianskie plemena*. Moscow: AN SSSR, 1953, 312 p.
Vazharova, Zh. *Slavyano-Balgarskoto selishte kray selo Popina, Silistrensko*. Sofia: BAN, 1956, 63 p.

Vazharova, Zh. N. *Pahotnye orudiya na territorii Bolgarii i ih etnicheskoe opredelenie*: candidate's thesis. Moscow, 1952, 15 p.

Yakimova, I. “Bitkata za Sofiya. Kak voynata preobrazi stolichniya grad”. *Velikite sili, Balkanite i Balgariya prez Vtorata svetovna vojna. Mezhdunarodna nauchna konferentsiya 21–23 april 2015, Sofiya* / ed. by A. Grebenarov. Sofia: Simolini-94, 2016, p. 315–331.

Yurukova, Y. “110 godini Arheologicheski muzey”. *Arheologiya*, no. 1, 2003, p. 5–7.

Andrey A. Kudryavtsev

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Nikita S. Gusev

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

The Balkan archaeological and ethnographic expedition of the Academy of Sciences of the Soviet Union in 1946 and its influence on the development of Soviet-Bulgarian relations in archaeology

Within the framework of the Balkan archaeological and ethnographic expedition of the Soviet Union Academy of Sciences in January-February of 1946 scientists of the Institute for the History of Material Culture and the Institute of Ethnography carried out works in Bulgaria to establish scientific contacts and to organize joint archaeological researches. This country was considered as a region, the study of which will give new information about the early stage of the history of the Slavs, and was also important in view of the increased importance of Byzantium for Soviet historical science. The Bulgarian authorities paid great attention to the visit of Soviet scientists. They were supported by state and scientific organizations, and the press covered their trip around the country. Members of the expedition gave public lectures in Sofia, then published a separate collection of articles. On his return, the head of the expedition, P. N. Tretyakov submitted a closed report to the Presidium of the Soviet Union Academy of Sciences, in which he rather critically assessed the level of Bulgarian archaeology. This, however, can be explained by opportunistic reasons. Although the results of the expedition were approved by the leadership of the Soviet Union Academy of Sciences and the Bulgarian Academy of Sciences, the planned joint archaeological research did not take place. Despite this, the conduct of the Balkan expedition was of great importance for both the Soviet side and the Bulgarian scientists, despite of the fact-finding character of the Balkan expedition and the unrealized plans for the joint archaeological research. The expedition laid the foundation for further cooperation in archaeology field. Later it came true in several joint expeditions to the territory of the USSR and Bulgaria, they had a diverse scope of work goals. The article also informs of the Bulgarian archaeology achievement before the visit of Soviet delegation, its preparatory stage and investigation in Bulgaria.

Keywords: *Bulgaria, archaeology, A. V. Artsikhovskiy, B. D. Grekov, P. N. Tret'iyakov, Institute for the History of Material Culture, Institute of Ethnography, Soviet-Bulgarian scientific relations.*